

Александр Абросимов

Александр Абросимов

Запусти пальчики сюда

<https://litres.ru/74240259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она привыкла держать всё под контролем строгий костюм, выверенные решения, непроницаемая маска. Он видит её насквозь и не даёт спрятаться даже от самой себя. Между ними вспыхивает чувство, в котором страсть неотделима от уязвимости, а каждое прикосновение становится испытанием на прочность.

Героиня рискует потерять не только контроль над ситуацией, но и над собственными чувствами: за внешней смелостью прячется страх быть по-настоящему увиденной. Он же балансирует между желанием защитить и невозможностью устоять перед её магнетизмом. Их близость не просто слияние тел, а откровенный разговор без слов, где каждое движение выдаёт то, в чём они не решаются признаться вслух.

Сможет ли их связь выдержать столкновение с прошлым, которое не отпускает, или сила эмоций разрушит всё, что им дорого?

Эмоциональный роман о том, как любовь требует не только смелости, но и невероятной чуткости и как одно неверное движение может стоить слишком дорого.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Бетон и пыльца	8
Глава 2. Геометрия отказа	13
Глава 3. Шов наружу	17
Глава 4. Ткань разговора	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Абросимов

Запусти пальчики сюда

Пролог

Солнечный луч, пробившийся сквозь высокое окно московской мансарды на Покровке, разрезал полумрак мастерской надвое. В золотистом столбе света танцевала густая пыль взвесь времени, костного клея и истлевшего льна. Вера вдыхала этот запах полной грудью. Для случайного прохожего это был дух ветхости и запустения, для неё концентрированный аромат дома.

Её пальцы, затянутые в тончайший латекс, скользили по обрезау фолианта XVIII века. Она чувствовала каждую микровибрацию пергамента под скальпелем, отделяющим чужеродную вклейку от оригинального текста. Движение было почти молитвенным: вдох, поворот кисти, выдох. Края старой бумаги сопротивлялись, шуршали, как сухие листья, прежде чем уступить. Запах пыли смешивался с терпкой нотой выделанной кожи переплета.

Тишину разорвал сухой щелчок замка. Звук не принадлежал этому пространству; он был слишком резким, лишенным эха старых кирпичных стен. На пороге возник Марк. Свет падал ему со спины, превращая фигуру в темный, мо-

нолитный силуэт, отсекающий спасительный луч.

Вы всё еще здесь, Вера? его голос звучал ровно, но в нем слышался лязг опускаемого банковского сейфа. Он обвел взглядом стеллажи до самого потолка, заваленные коробками, стопки книг на полу и леса из соснового бруса. Я присылал оценщика. У вас тут четыреста квадратных метров без лифтовой группы. Золотой фонд застройщика, который вы превратили в склеп.

Он шагнул внутрь, оставляя на разошедшихся дубовых половицах следы безупречных кожаных туфель. Его взгляд сканировал комнату не эстетически, а математически: кубатура воздуха, несущие балки, стоимость квадратного метра земли в центре Москвы. Он достал телефон прямоугольник черного стекла и стали и положил его на край антикварного стола красного дерева, прямо рядом с баночкой рыбьего клея. Современная геометрия пластика смотрелась на потемневшем дереве как осколок метеорита.

Вера медленно стянула с рук латексные перчатки. Пальцы слегка дрожали от прерванного транса.

Это «Деяния святых» на старославянском, Марк. Единственный сохранившийся экземпляр с автографом справщика. Если ваши экскаваторы начнут бить сваи здесь, вибрация уничтожит клей за неделю.

Экскаваторы начнут бить через месяц, если мы не договоримся сегодня, он проигнорировал её слова о книге, переводя тему на компенсацию. Сумма на вашем счету покроет

аренду любой студии в пределах Садового кольца. С отоплением и вентиляцией.

Она обошла верстак, намеренно вторгаясь в его личное пространство. От неё пахло бумажной пылью и старым воском. Не говоря ни слова, Вера открыла тяжелый деревянный планшет, лежавший у лампы. Внутри, на бархатной подложке, покоился титульный лист. Угасшее золото букв вспыхнуло в луче солнца так внезапно, что Марк инстинктивно прищурился. Тиснение изображало виноградную лозу, где каждая ягода была размером с булавоочную головку, но выполнена с пугающей анатомической точностью.

Марк замолчал. Цифры в его голове оборвались на полуслове. Впервые за долгие годы бесконечных сделок хищный блеск в его глазах сменился чем-то иным чистым, незамутненным созерцанием. Он забыл о сносе здания, о прибыли, о бетоне. Он смотрел на то, как свет вязнет в микроскопических гранях золота. Человек, привыкший измерять мир весомостью своих решений, вдруг ощутил себя крошечным перед лицом чужой кропотливой вечности.

Но тишина длилась лишь несколько ударов сердца. Моргнув, он снова стал собой. Губы тронула привычная, ничего не значащая вежливая улыбка.

Красивая работа. Но металлолом сейчас тоже стоит дорого. Так что насчет моего предложения?

Не дожидаясь ответа, он развернулся и направился к выходу. Однако вместо того чтобы забрать устройство, Марк

небрежно толкнул смартфон пальцем. Черный прямоугольник проскользил по гладкому дереву и замер экраном вниз. Иностранное тело осталось лежать на столе, слепое и глухое к шелесту страниц, словно признавая поражение живого металла перед мертвой органикой прошлого.

Глава 1. Бетон и пыльца

Марк смотрел на чертежи, разложенные по полированной столешнице из американского ореха в своем кабинете на сорок втором этаже. Синий свет галогенных ламп падал на кальку, высвечивая строгие линии будущего небоскреба. Триста метров стекла, стали и архитектурного бетона. Идеальная геометрия, лишенная изъянов.

Он провел ладонью по лицу, стирая фантомную усталость. За последние десять лет его компания подняла над Москвой двенадцать таких стеклянных игл. Марк знал о бетоне всё: марку прочности, время застывания, коэффициент теплового расширения. Но сейчас, глядя на рендеры фасада, он чувствовал лишь глухое раздражение от бликов на виртуальной поверхности. Стекло всегда отражало чужое небо. В этих башнях не было истории, а значит не было веса. Они были пустыми внутри, какими бы дорогими ни казались снаружи.

Вера отказалась брать трубку три дня назад. Юристы присылали отписки. Обычная тактика мелких собственников, возомнивших свои сараи памятниками архитектуры. Ему следовало нажать на юристов сильнее, подключить административный ресурс, но вместо этого Марк поймал себя на том, что снова смотрит на адрес её мастерской. Желание сломить сопротивление этой женщины стало почти физическим голодом. Он хотел увидеть, как дрогнет её подбородок, когда

она поймет всю бессмысленность своей борьбы.

Спустившись под землю, он оставил машину с водителем у въезда в арку. Пеший путь до Покровки занял семь минут. Воздух внизу пах выхлопами, прелой листвой и чем-то сладковато-гнилым запахом настоящей, непричесанной жизни. Подошвы его туфель безупречно щелкали по брусчатке.

Дверь мансарды была приоткрыта. Внутри горел теплый желтый свет лампы-лупы. Вера стояла спиной к нему, склонившись над столом. На ней был бесформенный серый кардиган, съехавший с одного плеча. Она не слышала его шагов или делала вид, что не слышит.

Я же сказал юристам, начал Марк без предисловий, входя в пятно света. Его голос разрезал тишину, наполненную тиканьем настенных часов. Сумма увеличена на пятнадцать процентов. Это окончательное предложение. Вы можете подписать бумаги сегодня и завтра начать искать новую жизнь.

Она медленно разогнула спину, потянулась за пинцетом, избегая его взгляда. Движение было плавным, кошачьим.

Новая жизнь стоит ровно столько, сколько весит этот кирпич, Вера кивнула на кусок старой кладки, служивший ей пресс-папье. А ваша компенсация закончится быстрее, чем вы успеете залить фундамент своего монстра.

Марк усмехнулся. Холодный расчет требовал развернуться и уйти, передав дело службе безопасности. Но он остался стоять, наблюдая, как свет лампы отражается в её волосах медными искрами.

Вы понимаете, что задерживаете проект государственного значения? Мой совет директоров крайне недоволен простым техникой.

У вас отличный костюм, Марк, вдруг сказала она, поворачиваясь к нему лицом. На её губах играла легкая, изучающая улыбка. Итальянский шелк? Или это ваш любимый модал? Выглядит так, словно вы только что сошли со страниц каталога «Жизнь успешного человека». Идите сюда.

Она поманила его пальцем к верстаку. Инстинкт хищника подсказывал Марку, что это ловушка. Любое сближение означало потерю контроля. Но он шагнул вперед, подчиняясь странному импульсу.

На столе лежал фрагмент чугунной решетки балкона, покрытый черной краской времени.

Посмотрите внимательно, Вера взяла его руку в свою, заставляя коснуться металла. Её пальцы оказались неожиданно горячими. Видите эти завитки? Литейщик в девятнадцатом веке ошибся здесь, сбил матрицу. Если провести ногтем, чувствуется ступенька. Ваши башни идеальны, Марк. В них нет ошибок. Значит, их некому будет любить через сто лет. Никто не заметит разницы между вашим стеклом и стеклом соседа.

Её одержимость деталями начинала раздражать и одновременно гипнотизировать. Он попытался высвободить руку, но она удержала её, перенесла его палец с чугуна на стену рядом.

А здесь, под слоями советской штукатурки, сохранился оригинальный руст. Чувствуете фактуру? Дикий камень. Каждый блок обтесывали вручную. Люди вкладывали свой пот в эти стены. Куда пойдет этот пот после того, как вы включите гидромолот?

Терпение Марка лопнуло. Он дернул руку на себя.

Хватит экскурсий, Вера. Мы строим будущее, а не плачем по прошлому. Подписывайте.

Она покачала головой, и в её глазах мелькнул озорной, почти жестокий блеск.

Не сегодня. Но я могу показать вам кое-что получше вашего фундамента. Следуйте за мной. Только снимите пиджак, здесь душно.

Не дожидаясь ответа, она направилась к узкой винтовой лестнице, ведущей на чердак. Марк смотрел на её удаляющуюся спину, затянутую в дешевый трикотаж. Логика кричала уходить. Вместо этого он сбросил пиджак прямо на спинку стула, оставшись в белоснежной рубашке, и пошел следом.

Старая лестница протестующе скрипела под его весом. На верхней площадке царил полумрак, пахнувший сухой землей и древесной трухой. Вера подошла к слуховому окну, распахнула тяжелую створку, впуская порыв холодного ветра.

Крыша лежит на оригинальных стропилах из лиственницы, сказала она, касаясь массивного бруса. Дереву двести лет. Оно переживет вашу сталь.

Марк подошел ближе, встав у неё за спиной. Простран-

ство сжалось до размеров деревянного гроба. Он поднял руку, чтобы опереться о балку рядом с её головой, и задел плечом её волосы. От них пахло бумажной пылью и сухим деревом.

Когда он опустил взгляд на свой рукав, то заметил крошечное рыжеватое пятнышко на безупречном манжете рубашки. Частица старого кирпича, осыпавшаяся с балки от сквозняка. Маленькая, неправильная деталь в мире его стерильной белизны.

Марк машинально потер ткань большим пальцем, пытаясь растереть пигмент, но частичка глины лишь глубже въелась в переплетение нитей, оставляя на одежде память о прикосновении к этому дому.

Глава 2. Геометрия отказа

Чердак встретил их запахом сухой смолы и остывающего металла. Сквозь щели в разошедшихся досках крыши пробивался тусклый, пепельный свет октябрьского дня. Здесь геометрия пространства ломалась: массивные стропила из листовенницы пересекались под немыслимыми углами, создавая сложный лабиринт теней. Каждое движение Веры заставляло эти тени дрожать на стенах, превращая пыльный чердак в сюрреалистичную графику.

Пустота самый дорогой ресурс в архитектуре, произнес Марк, нарушая тишину. Его голос здесь звучал иначе глуше, без стеклянного эха его офиса. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию между ними до опасного минимума. Вы цепляетесь за дерево и камень, потому что боитесь пустоты, которая наступит после сноса. Но именно пустота дает возможность построить нечто стоящее.

Он намеренно загородил ей путь к узкому проходу между двумя балками, опираясь плечом о шершавый брус. Это был чистый язык тела, примитивная демонстрация доминирования хищника, загоняющего добычу в угол. Солнечный блик от пряжки его ремня метнулся по её лицу.

Вера не отступила. Она стояла так близко, что он чувствовал тепло, исходящее от её шеи. Вместо того чтобы поднять на него глаза, она медленно перевела взгляд вниз, на свои

ноги, обутые в стоптанные кожаные лоферы. Затем подняла взор прямо на Марка. В её глазах не было ни страха, ни покорности лишь холодный интерес анатома, изучающего редкое насекомое.

Она сделала шаг ему навстречу. Марк инстинктивно напрыгся, ожидая столкновения, но Вера внезапно изменила траекторию. Переступая через низкую поперечную балку, преграждавшую путь, она высоко вскинула колени и совершенно спокойно раздвинула ноги. Движение получилось широким, почти мужским, абсолютно лишенным кокетства или приглашения. Это была чистая биомеханика преодоление препятствия с максимальной эффективностью. Ткань её свободных брюк натянулась на бедрах, подчеркивая линию, которую мужской взгляд обычно ищет украдкой, а она выставила напоказ как чертеж.

Марк замер, забыв выдохнуть. Вся его заготовленная агрессия, всё желание прижать её к стене и заставить подписать бумаги испарились, столкнувшись с этим пугающим отсутствием стыда. Она демонстрировала абсолютное отсутствие страха перед его близостью, принимая эту позу так же естественно, как дышала. Между её бедер, в полосе серого света, лежала глубокая, геометрически правильная тень.

Теряя опору под ногами уже в переносном смысле, он качнулся назад, задев спиной стропило. На лице Веры впервые дрогнула эмоция едва заметная складка у губ, похожая на удовлетворение. Она поняла, что выбила почву у него из-под

ног одним движением бедер.

Чтобы восстановить равновесие и вернуть себе хотя бы видимость контроля, она потянулась к его руке. Её пальцы прохладные, чуть шершавые от работы с бумагой сомкнулись на его запястье поверх манжеты. Хватка оказалась неожиданно сильной.

Осторожнее, тихо сказала она. Тут труха сыплется. Испачкаете рубашку окончательно.

Её прикосновение жгло кожу сквозь плотный хлопок. Марк стоял неподвижно, позволяя ей держать себя, словно это он нуждался в опоре. Пространство вокруг них сузилось до точки контакта их рук и перекрестия теней на полу. Воздух стал густым, пахнувшим озоном перед грозой.

Она начала разжимать пальцы, возвращая ему руку. Свобода должна была принести облегчение, но вместо этого принесла панику. Однако Вера не спешила отпускать его полностью. Её большой палец задержался на выступающей косточке его лучезапястного сустава. Секунду. Вторую. Третью. Она просто продолжала касаться его, поглаживая вену кончиком ногтя, прежде чем позволить ладони выскользнуть.

Это лишнее мгновение перевернуло игру. Теперь инициатива принадлежала ей. Она проверила границы, нашла слабое место в его броне нетерпеливую реакцию на чужое вторжение в личное пространство и пометила его своим теплом.

Отпустив его, она развернулась и пошла дальше вглубь

чердака, где крыша сходилась в острый конек. Её шаги были легкими, уверенными.

Марк смотрел на свою руку. Кожа под манжетой всё ещё горела там, где смыкались её пальцы. Он машинально потер запястье, пытаясь стереть фантомное ощущение, но пульсация только усилилась. Впервые за долгие годы кто-то взял его за руку не для того, чтобы попросить автограф, денег или защиты, а просто чтобы проверить, настоящий ли он. И тест оказался провальным.

Глава 3. Шов наружу

Ресторан на крыше отеля Марка дышал стерильной прохладой и запахом озона, который вырабатывали скрытые в потолке очистители воздуха. Здесь не было ни пылинки, ни сквозняка, ни звука только глухая симфония абсолютного капитала. Пол из полированного оникса отражал огни вечерней Москвы так идеально, что казалось, будто они парят над бездной.

Вера сидела напротив него в простом льняном платье цвета неотбеленного холста. Ткань была жесткой, она слегка шуршала при каждом её движении и собиралась естественными складками там, где касалась подлокотников кресла. Рядом с ней Марк в своем безупречном костюме тонкой шерсти чувствовал себя манекеном в витрине. Его одежда стоила как подержанный автомобиль, но сейчас казалась пластиковым футляром, мешающим дышать.

Вы боитесь грязи? спросила она, рассматривая серебряный прибор перед собой. Её голос звучал слишком громко для этой звенящей тишины.

Я люблю контроль, ровно ответил он, делая глоток минеральной воды без газа. Грязь это отсутствие контроля над средой.

Поэтому вы строите башни из стекла? Чтобы видеть каждую пылинку снаружи, пока внутри всё умирает от скуки?

Официант принес закуски: микроскопические порции чего-то зеленого на огромных тарелках белого фарфора. Вера взяла вилку, и Марк заметил тонкий белый шрам, пересекающий подушечку указательного пальца правой руки. След скальпеля или канцелярского ножа.

Память об архиве? спросил он, кивнув на её руку.

О старой раме. Латунь оказалась мягче, чем я думала, она равнодушно отправила еду в рот. А у вас? На левой брови. Рассечение выглядит старым, профессиональным. Не бытовая травма.

Марк инстинктивно поднял руку к лицу. Он забыл об этом шраме. Память услужливо подбросила картинку: холодный мрамор пола в офисе отца, вкус крови во рту, ощущение полной беспомощности перед человеком, который выше тебя ростом.

Уроки жизни в девяностых. Ничего интересного.

Напротив. Это самое интересное, что есть в людях, она наклонилась чуть ближе через стол. Свет подвесной лампы упал на её шею, обнажив пульсирующую вену. Мы состоим из мест, где когда-то сломались и неправильно срослись. Ваша башня стоит крепко именно потому, что инженеры учли точки напряжения в каркасе. Почему же вы пытаетесь игнорировать свои?

Её прямота граничила с насилием. Она препарировала его одним взглядом, вскрывая швы, которые он годами прятал за дорогими рубашками. Зависимость от чужого внимания все-

гда раздражала Марка, но внимание Веры ощущалось иначе оно имело вес, плотность и температуру.

Он хотел сменить тему, вернуть разговор к документам о купле-продаже, перевести всё в плоскость цифр, где он был богом. Но вместо этого медленно опустил ногу под белоснежную скатерть. Кожа его туфли коснулась тонкого льна платья, закрывающего её лодыжку.

Это движение не было приглашением. В нем не было игривости первого свидания. Нога Марка легла сверху, плотно прижимая её ступню к перекладине своего тяжелого ботинка. Твердая кожа туфель зафиксировала её ногу намертво. Под белым столом, вне поля зрения официантов, произошло физическое поглощение. Это был захват территории. Заявление прав собственности на её тело самым примитивным и властным способом. «Ты никуда не уйдешь».

Вера замерла. Вилка зависла в воздухе. Она не попыталась отстраниться. Вместо этого она посмотрела ему прямо в глаза, и уголок её губ едва заметно дернулся вверх. Она приняла правила игры. Давление усилилось теперь он чувствовал форму каждого её пальца сквозь подошву своей обуви и ткань её платья. Воздух между ними наэлектризовался; тихий гул системы вентиляции стал единственным звуком в мире.

Ваш шов разойдется, Марк, тихо произнесла она, переводя взгляд на его галстук. Если будете давить слишком сильно.

Рваные раны заживают грубее, процедил он сквозь зубы, не ослабляя хватки. И оставляют более надежные рубцы.

Счет принесли спустя двадцать минут, хотя им показалось, что прошла вечность. Марк убрал ногу первым, чувствуя странное покалывание в икре от долгого статичного напряжения. Когда они вышли в лифтовую зону, пахнущую дорогим парфюмом и металлом, он протянул ей черную корпоративную карту.

Машина внизу. Отвезу вас домой.

Она покачала головой, застегивая пуговицу на кардигане. Я вызову такси. Мне нужно пройтись.

Квартира Веры встретила её запахом старых книг и остывшего чая. Она включила свет в прихожей, сбросила туфли. Ступни гудели. Льняное платье висело на ней мешком, впитав запах чужого пространства смесь хлорированной воды из бассейна отеля, дорогого табака и его кожи.

Она стащила с себя жесткую ткань. Платье упало на пол бесформенной кучей. Обычно она бы сразу подняла его, повесила на плечики в шкаф, аккуратно разгладив заломы. Порядок успокаивал её расшатанные нервы.

Но сегодня Вера перешагнула через лежащее на паркете платье. Она прошла в спальню, достала из комода вешалку, вернулась в гостиную и небрежно перебросила льняную тряпку через спинку старого деревянного стула.

Платье осталось висеть там помятое, хранящее тепло её тела и фантомный отпечаток тяжелой мужской ноги. При-

знание того, что этот вечер еще не закончился. Битва за мастерскую временно отошла на второй план. Началась война нервов, и Вера только что сделала первый ход, оставив свою территорию открытой для следующего вторжения.

Глава 4. Ткань разговора

Кофейня на Китай-городе вымерла за час до их прихода. Единственным источником света здесь была длинная неоновая полоса под барной стойкой, заливающая пол мертвенно-фиолетовым свечением. За окном висела тяжелая октябрьская морось, размывая огни редких машин в масляные пятна.

Они сидели друг напротив друга за столиком из клееного дуба. Воздух пах пережаренными зернами и мокрым асфальтом. Марк чувствовал себя так, словно его пропустили через центрифугу. Встреча с Верой на чердаке, а затем этот стерильный ужин высосали из него весь запас дневного цинизма. Осталась только звенящая пустота и резь в глазах. Он не спал больше суток. Мир вокруг казался отрендеренным с низким разрешением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.